

УДК 39(=352.1)
ББК 63.521(=602.1)
Т 12

А.К. Табулов,

научный сотрудник отдела этнографии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, г. Черкесск, тел.: 8-928-390-30-29, e-mail: tabulov.amir@yandex.ru

Абазины в цивилизационном контексте Северного Кавказа (Рецензирована)

Аннотация. Статья освещает специфику формирования этнокультурного статуса абазинского народа. Автор, не подвергая сомнению идею культурной целостности всего региона, считает возможным выделить на Северном Кавказе две цивилизационные зоны. В границах одной из них рассматривается стадийное становление современных абазин и обосновывается концепция об особом характере абазинского этносоциума, обусловленном стагнацией его развития на протяжении последних трёх веков.

Ключевые слова: абазины, этнос, этнические сообщества, адаты, конфессия, субстратная культура, цивилизационные зоны, сословная система, рекреация, идентичность.

A.K. Tabulov,

Researcher of the Department of Ethnography of Karachay-Cherkessia Research Institute of Humanities, Cherkessk, tel.: 8-928-390-30-29, e-mail: tabulov.amir@yandex.ru

Abazins in the civilizational context of the North Caucasus

Abstract. The paper deals with the specifics of the formation of ethno-cultural status of the Abazins. The author, without questioning the idea of cultural integrity of the region, thinks that it is possible to single out two civilizational zones in the North Caucasus. Within the boundaries of one of them stage-wise formation of modern Abazins is considered and the arguments in support of the special nature of the Abazin ethnic society are substantiated, which is caused by stagnation of its development throughout the past three centuries.

Keywords: Abazins (abaza), ethnos, ethnic communities, adat, confession, substrate culture, civilization zone, a class system, recreation, identity.

Северный Кавказ для внешнего наблюдателя может представляться регионом, совершенно монолитным в плане этнической культуры, регионом, народы которого различаются между собой лишь языками [1]. Дискуссионными для ученых являются лишь частные моменты традиционных этнических [2] культур, трактовка Северного Кавказа как единого цивилизационного пространства стала единственной в трудах учёных-кавказоведов [3].

Единство и схожесть категорий и принципов эстетического характера, этикетных норм, обычаев и требований к повседневному поведению человека действительно создают впечатление полного единообразия народов Северного Кавказа. К тому же, жизнь этносов региона протекала в рамках единого экономического пространства — примеры производственной кооперации весьма показательны. К слову, целый ряд народов Центрального Кавказа

пользовался равнинными пастбищами Кабарды, используя их в качестве зимников на правах сезонной аренды. Традиционно на Кавказе была установлена даже система специализации народов по различным областям и направлениям жизнедеятельности, причем в неё были включены, по крайней мере, два общества Закавказья — сванское и рачинское, мужчины которых нанимались горцами Северного Кавказа при проведении работ по заготовке кормов и при строительстве крупных каменных сооружений.

Общность одежды, всего внешнего облика горцев Северного Кавказа, единообразия стандартных норм реагирования на те или иные ситуации, подкрепленные схожестью психологии и эмотивности его народов, действительно являются вескими основаниями для рассмотрения региона в качестве единого целого.

Тем не менее, ощущаемая априори цивилизационная цельность Северного Кавказа, при ближайшем рассмотрении оказывается достаточно условной. В частности, это особенно чётко заметно на примере истории становления и развития лингвистической культуры горских народов. Некоторые из национальных литератур ведут отсчет своего существования с середины XIX века, другие же с XIII века.

В этом отношении цивилизационное пространство Северо-Западного Кавказа — т.е. регион проживания таких народов, как абазины, адыги, балкарцы, карачаевцы и осетины — достаточно заметно отличается от Дагестана, презентативные формы культуры которых несут на себе явный «восточный» отпечаток и зачастую имеют историю, протяженностью в несколько столетий.

Весьма специфическими признаками, резко выделяющими их из сообщества национальных культур Северного Кавказа, обладают вайнахские народы — чеченцы и ингуши. В частности им присуща совершенно своеобразная социальная организация, обладающая развитой системой горизонтальных и вертикальных связей и в то же время не имеющая отношения к остаточным

проявлением сословности [4]. Лишенные сословных структур, этнические сообщества вайнахов сформировали институциональные системы жизнеобеспечения, подкрепленные достаточно своеобразными канонами идеалов и ценностей и сопровождаемые соответствующими нормами повседневного поведения. Необходимо констатировать, что в значительной степени разница в адатном поведении вайнахов и, например, адыгов, обусловлена конфессиональным фактором — и те и другие являются мусульманами, однако исламские тарикаты, распространенные у вайнахов, резко отличаются в своей ритуалистике от чистого ханафитского масхаба, принятого у народов Северо-Западного Кавказа.

История культуры Осетии, в свою очередь, также отмечена присутствием целого ряда эволюционных моментов, уникальных для северокавказского сообщества народов. Главными среди них являются раннее распространение в Осетии христианства в качестве постоянного этноформирующего фактора. Кроме того, дворянская элита осетин, да, впрочем, и простые сословия, весьма рано восприняла и усвоила в качестве конституирующих компоненты западной (европейской) цивилизации и западную концептуалистику. Будучи фактическим центром российской государственности на Северном Кавказе, Владикавказ уже в первой половине XIX века представлял собой город, где вполне органично сливались в новый культурный порядок христианско-этническая осетинская традиция и маргинально-европеизированный мир национального чиновничества, буржуазии и ассимилированной осетинской аристократии.

Определяя главные дифференты в ментальности и культуре народов Северного Кавказа, мы приходим к выводу о том, что таковыми можно назвать достаточно сложную комбинацию конфессиональных и субстратно — культурных параметров, которая в упрощенном виде может трактоваться как историческая устойчивость этнокультурной традиции в главных

её составляющих. С этой точки зрения культура части народов региона традиционно атрибутировалась как в основном конфессиональная, другой части — субстратно-этническая. Иначе говоря, культурно-цивилизационное пространство региона являет собой две массивные этнические зоны — восточную и западную.

Что касается дагестанской части восточной зоны — ситуация с ней вполне прозрачна — ислам пришел к народам Дагестана еще в первой половине VIII века и, по всей видимости, окончательно утвердился на этой территории к началу X века. К XIX веку — времени окончательной интеграции северокавказских народов в системы российской государственности — исламское мировоззрение, концептуалистика, поведенческие нормалы стали той важнейшей компонентой культуры народов Северо-Восточного Кавказа, которая препятствовала ассимилятивным процессам и маргинализации этносов региона.

Нельзя сказать, что примат религиозного сознания полностью определяет ментальность горцев Дагестана — достаточно указать, что, как подчеркивает А.Комаров, «по взятии в плен Шамиля, всё население Дагестана немедленно восстановило у себя разбор дел по адату» [5]. Однако в данном случае интерес представляет не следование букве и духу шариата, либо адата, а устойчивость нормоприменимых практик — т.е. время пребывания этноса в границах того или иного цивилизационного поля.

В этом отношении существуют заметные отличия между, например, адыгами, абазинами, балкаро-карачаевцами и чеченцами. По всей видимости, время проникновения ислама ко всем этим этносам приблизительно одинаково. Однако в середине XIX века исследователи отмечали, что мусульманство вайнахских народов намного более последовательно и близко к классическому кораническому типу обрядности, нежели у «закубанских народов» [6], а за каких-то три десятилетия до этого Белл констатировал: «Думаю,

что народонаселение берега на протяжении от Анапы до Гагр включает в себе столько же приверженцев старой веры (языческо-христианской), сколько и мусульманской» [7].

Что же касается карачаевцев и балкарцев, ислам, проникнув к этим народам еще в XVI веке, а в начале XVIII уже окончательно утвердившийся в качестве религии национальной аристократии, вплоть до начала советского периода практиковался в своём адаптированном виде, в тесном переплетении с элементами язычества и тенгрианства.

Итак, на территории Северного Кавказа возможно выделить две цивилизационные зоны, причем если вайнахские народы и этносы Дагестана консолидированы конфессионально, то близость абазин, адыгов, карачаево-балкарцев и осетин в большей степени обусловлена иными факторами — общностью субстратной культуры, взаимной экономической интегрированностью, специальными институтами межэтнического взаимодействия, таких, как куначество и межнациональные браки.

Однако и в этой «западной» зоне абазины стоят несколько особняком, что, по всей видимости, объясняется несколькими моментами формирования народа в современном виде. Значительная часть указанной специфики обусловлена региональным этногеографическим и этноисторическим контекстом.

Комплекс проблем, связанных с суверенностью современных абазин зияет многочисленными лакунами. Однако некоторые обстоятельства их истории сомнений не вызывают. В частности, они входят в крайне ограниченный ряд народов, известных со времен античности — этноним «абасги-абазги» присутствует на карте Геродота. Абхазо-абазинны были суверенным народом, управлявшимся этническими представителями с самого начала новой эры — во всяком случае, церковные свидетельства о миссионерской деятельности Андрея Первозванного упоминают «абазов» в ряду независимых народов [8].

По крайней мере с X века абазинские племена выделились из общего массива абхазских племен [9] и, скорее всего, находились под верховным управлением этнических династий, причём, судя по упоминанию в различных источниках так называемой «Большой Абазии», южная граница которой проходила в районе реки Бзыбь, они были в значительной степени автономны и суверенны, в большинстве своём находясь в вассалитете автохтонной фамилии Лоовых.

Насколько независимы и автономны были абазинские племена в составе Абхазского царства — вопрос, остающийся открытым и по сей день. Однако можно упомянуть, что и в наше время карачаевцы и балкарцы называют Грузию этнопонимом «Эбзе», что, по нашему мнению, свидетельствует о государственнообразующем статусе абазин в царстве, включавшем в свой состав северо-западные области современной Грузии. В этой связи временное совпадение начала освоения северных склонов Главного Кавказского хребта и смена автохтонной царствующей династии Абхазии на картлийскую не выглядит случайным. Вполне логичным кажется предположение о сознательном перемещении основного майората Лоовых на север — ввиду нежелания признавать сюзеренитет иноэтничной фамилии. Можно ли считать Лоовых верховными владельцами северокавказских абазин, сказать определенно нельзя. Однако их несомненное главенство среди абазин-тапанта очевидно. В 1634 году в донесении терского воеводы в Москву Лоовы отреккомендованы именно как единоличные владельцы абазинской земли и людей — несмотря на сомнения Е. Кушевой по этому поводу, сам текст сообщения вполне однозначен [10].

Сословная система абазин похожа на структуру сословий кабардинцев — князья, первостепенные дворяне (тлекотлеши, дыженуго, амыста-ду), дворяне второй степени (уорки, амыста) и несколько зависимых подразделений, от лично свободных до рабов. Более того — можно предполагать,

что абазинские амыста-ду исторически имели несколько иной статус, нежели первостепенные уздени у адыгов. Четыре княжеских рода из шести у абазин-тапанта не имели в числе своих вассалов амыста-ду, значимость же и влияние, по крайней мере, одной фамилии амыста-ду Лоовых, а именно — Трамовых — можно оценивать как более высокие, чем у большинства князей тапанта. Анализ фамильных преданий представителей старшего поколения абазинских дворянских патронимий позволяет предполагать, что все абазинские князья, кроме Лоовых, были князьями удельными, а вассалитет их составляло сословие амыста. Группа же родов, относящихся к амыста-ду, изначально была служилым дворянством, в период существования «Большой Абазии» — придворной аристократией, вес и значение которой определялись именно близостью к верховному владельцу. И лишь с деградацией абазинского этносоциума после переселения на северный склон Кавказа, сословие амыста-ду трансформировалось в удельное дворянство.

Иначе говоря, вплоть до XVII века, когда абазинские племена потеряли свое доминирующее положение на Северо-Западном Кавказе, их общество существовало в форме централизованного феодального государства, или хотя бы — в виде сообщества, сохранявшего реликтовые черты подобного государства.

Вне рамок этой гипотезы очень сложно понять и объяснить некоторые факты, свидетельствующие о необычайно высоком уровне политического и культурного развития абазин в средние века, а также о соответствующих контактах в этих сферах. Вне стабильного государства с сильной централизованной властью невозможно становление и существование профессионального изобразительного искусства. По свидетельствам же русских летописей, в последней четверти XI века абазинские мастера-иконописцы принимали участие в росписи Собора Киево-Печерской лавры [11].

Случаи заключения династических браков также возможны лишь

в условиях межгосударственных контактов — несколько подобных зафиксировано в хрониках Древней Руси [12], причём если в некоторых из них этническая принадлежность супругов может каким-то образом оспариваться, то в других — абазинское участие несомненно [13]. Абсолютно очевидно, что отсутствие документальных или иных свидетельств о регулярных контактах абазин средневековья с другими цивилизационными областями отнюдь не говорит об отсутствии таковых.

Итак, принимая во внимание всё вышеизложенное, мы, наконец, можем сформулировать основные составляющие специфики этнокультурного генезиса современных абазин. Во-первых, они, по всей видимости, являются народом с весьма давней историей самоидентификации; вполне вероятно, что начальные формы осознания собственной этничности могут лежать в античности. Во-вторых, приблизительно с XIII по XIV века абазины существовали в пространстве единой государственности, в режиме активных суверенно — иницируемых контактов с соседними и достаточно удалёнными державами. В третьих, освоение территорий на северном склоне главного Кавказского хребта шло на фоне форсированной диссипации конституирующих структур абазинского этносоциума.

В четвертых, — что представляется наиболее существенным — сово-

купность естественноэволюционных и заимствованных за тысячелетия существования народа цивилизационных архетипов оказалась нефункциональной в условиях социальной деградации, они не могли подвергнуться прогрессивной модернизации при распадающихся внутриэтнических социальных структурах и попросту отмирали.

Все это вкупе и обуславливает фундаментальную специфику этноса относительно других народов Северного Кавказа. Все они — и в «западной», и в «восточной» зоне — вступили в цивилизационное пространство Советской России, а затем и СССР с более-менее целостными и органичными системами рекреации и самоидентификации. Будучи сформированным в своеобразных условиях «северокавказского» феодализма, либо в пограничной стадии распада патриархальных отношений, самосознание горцев, понимание собственной культурной целостности было достаточно устойчивым и могло, как показало время, успешно сопротивляться сильнейшему нивелирующему и маргинализирующему давлению со стороны государства. Абазины же вступили в XIX век в состоянии продолжающейся редукции систем социальной и этнокультурной идентичности, что сильно осложнило их адаптацию к новым условиям существования.

Примечания:

1. Кцоева Т.У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. №2. С. 50-51.
2. Кцоева Т.У. Указ. соч.
3. Черноус В.В. Кавказ — контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. №2. С. 49.
4. Линден В.И. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 249-325.
5. Комаров А.В. Алаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. М.: Адир, 1992. С. 7.
6. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. М.: Адир, 1992 С. 6-7.
7. Услар П.К. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869 Вып. II. С. 581.
8. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. II / под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1868. 924 с.
9. Лавров Л.И. «Обезы» русских летописей // Советская этнография. 1946. №4. С. 169.
10. Кушева Е.Р. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 156.
11. Высокопреосвященный Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. Христианство на Северном Кавказе до его присоединения к России. URL: www.orthodoxu-islam.com (дата обращения: 17.02.2014).

12. Полное собрание русских летописей. СПб., 1845. Т. II. С. 74; СПб., 1856. Т. VII. С. 60.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. IV. С. 231.

References:

1. Ktsoyeva T.U. The Caucasian superethnos // Echo of the Caucasus. 1994. No. 2. P. 50-51.
2. Ktsoyeva T.U. The mentioned work.
3. Chernous V.V. The Caucasus as a contact zone of civilizations and cultures // Scientific thought of the Caucasus. Rostov-on-Don, 2000. No. 2. P. 49.
4. Linden V.I. Short historical sketch of a former public, political and land system of the nationalities occupying Muslim regions of the Caucasus // The Caucasian calendar for 1917. Tiflis, 1916. P. 249-325.
5. Komarov A.V. The adats and legal proceedings based on them // Collection of data on the Caucasian mountain dwellers. M.: Adir, 1992. P. 7.
6. Ippolitov A.P. Ethnographic sketches of the Argunsk district // Collection of data on the Caucasian mountain dwellers. M.: Adir, 1992 P. 6-7.
7. Uslar P.K. The origin of Christianity in Transcaucasia and in the Caucasus // Collection of data on the Caucasian mountain dwellers. Tiflis, 1869. Issue II. P. 581.
8. Acts of the Caucasian archeographic commission (AKAK). V. II / Ed..A.P.Berzhe. Tiflis, 1868. 924 pp.
9. Lavrov L.I. "The Abaza" of the Russian chronicles // Soviet ethnography. 1946. No. 4. P. 169.
10. Kusheva E.R. Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia. M., 1963. P. 156.
11. The most eminent Gedeon, the metropolitan of Stavropol and Baku. Christianity in the North Caucasus before its annexation to Russia. URL: www.orthodoxy-islam.com (address date: 17.02.2014).
12. Complete collection of the Russian chronicles. SPb. 1845. V. II. P. 74; SPb. 1856. V. VII. P. 60.
13. Karamzin N.M. History of the Russian State. SPb. 1818. V. IV. P. 231.